3 ОКТ 1981
КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ
г. Новокузнецк

◆ К 85-ЛЕТИЮ ФЕДОРА ПАНФЕРОВА

МОЙ ОТЕЦ

На днях в редакцию пришло такое письмо:

«Уважаемые товарищи!

Посылаю вам воспоминания о моем отце Федоре Панферове. В 1931 году он приезжал в Кузнецк на строительство металлургического комбината.

4 октября ему бы исполнилось 85 лет.

Отец был на Кузнецкстрое недолго, но впечатление было от стройки огромное, и многое из увиденного он использовал в своих «Брусках».

В очерках. о Кузнецкстрое, напечатанных в «Правде», упоминаются бригадиры Шидек и Стасюк, инженер-комсомолец Креж, рабочий из Ленинграда Иванов, рабочий из батраков Плешков, бригадир Оболенский...

Наверное, эти фамилии знакомы кому-то из новокузнечан.

Может быть, кто-то читал в «Семье и школе» (1977 г., № 4) письма отца ко мне или воспоминания об отце в журнале «Молодая гвардия» (1979, № 9)? Мне было бы интересно узнать впечатление.

Всего вам хорошего.

Века Федоровна ПАНФЕРОВА».

Мы публикуем присланный материал.

МОЙ ОТЕЦ Федор Панферов известен как автор романа «Бруски». «Теперь, когда прошли десятилетия после «Поднятой целины» Шолохова, после многих книг о колхозной жизни, — писал друг отца Исбах, — трудно себе представить, какую роль сыграла в то время книга Панферова».

Как отмечал Серафимович, Панферов «первый дал картину перелома жизни крестьянина - единоличника...».

«Ваша книга, — писал отцу в 1928 году Горький, — мне кажется первой в беллетристике солидной книгой о деревне, книгой, написанной с полным знанием дела».

Это же подчеркивает в своих воспоминаниях Исбах: «Это был новый мир, впервые по новому показанный, и показанный несомненно рукою мастера».

Добиться такого признания отцу было нелегко.

Тяга к писательству пробудилась у него рано, еще когда он девятилетним мальчишкой работал подпаском. Как он сам пишет в своей автобиографии: «Находясь все время на природе, около полуглухого старика-пастуха, я сжился с природой, полюбил ее. Но нельзя любить молча. О любви говорят или по крайней мере есть большая потребность говорить. В то время говорить было некому. И я принялся свою любовь к природе вкладывать в стихи».

Так зародилась у него мечта — стать писателем, мечта, которой он добивался с необыкновенным упорством.

Родители отца Иван Иванович и Дарья Ивановна были простые крестьяне. Многие годы ездили они всей семьей в Баку, убегая от голода — частого гостя Поволжья. Там Иван Иванович плотничал на промыслах, а Дарья Ивановна шла с детьми к морю — собирали, прибитый волной мазут тряпками, отжимали в ведра, сливали в яму и продавали скупщику. Ноги от холодной морской воды покрывались язвами, шрамы от которых остались у отца на всю жизнь.

Заработанные деньги Дарья Ивановна завязывала в узелки и прятала на самое дно самодельного сундука. «Подальше положишь — поближе возьмешь» — говорила она.

Так продолжалось многие годы, пока благодаря настойчивости и упорству Дарьи Ивановны в Павловске был построен дом для семьи.

От своих родителей отец взял все самое лучшее. Как и его отец, он был великолепным рассказчиком, наблюдателен, зорок, а от матери перешло к нему ее необыкновенное упорство в достижении цели. Не будь у него этого упорства, вряд ли добился он чего в жизни.

Надо было иметь сильную волю, чтобы после целого дня беготни в лавке у деревенского купца, где он служил мальчиком, заниматься ночами и получить свидетельство об окончании начальной школы.

Нужно было не меньшее упорство, чтобы подготовиться — тоже ночами, так как днем он работал прикащиком в вольском магазине, — и поступить в единственное в то время учебное заведение, куда принимали крестьян после закона о «кухаркиных детях» — в вольскую учительскую семинарию. И не менее упорства, чтобы там учиться — родители ему помогать не могли, а надо было покупать учебники, платить за учение.

Вот и пришлось отцу идти с подписным листом, который он сам же и сочинил (можно сказать — первое его сочинение!), по богатым.

В детстве я часто слышала рассказ об этом и живо представляла себе эту картину: стоит отец в прихожей — дальше его, разумеется, не пускали, а перед ним жирный купец — по моим понятиям, все богатые непременно толстые — что-то пережевывает, утирает лоснящиеся губы и усмехается. И так жалко мне было отца!

Сразу же после революции отец ринулся в самую гущу событий, принимая самое активное участие в построении новой жизни. Редактирует газету, работает в ЧК, в уездкоме. И все эти годы. он пишет и пишет.

Творческий путь его начался в городе цементников Вольске, в маленьком, на два оконца домике по ул. Л. Толстого. Там на чердаке, который он ласково называл «скворешней», бился он с непокорными, неподдающимися словами, там искал себя, свою тему.

Закончились эти поиски рассказом «Огневцы», который в 1925 году получил премию на конкурсе «Крестьянской газеты». Рассказ перерос в повесть, которую отец по совету Фурманова переделал в первую книгу романа «Бруски».

Отец едет в Москву, работает разъездным корреспондентом «Крестьянской газеты», редактором «Крестьянского журнала», а в 1930 году становится главным редактором журнала «Октябрь», с которым не расстается до самой смерти в 1960 году.

В те времена в литературе шла борьба, в газетах так и писали — «литературный фронт» — «литературные бои». Отец, конечно, не мог остаться в стороне. Около «Октября» сплотилась группа писателей, которую так и называли «панферовцы». Они начали борьбу с Авербахом, который возглавлял в то время РАПП — Российскую ассоциацию пролетарских писателей.

Сейчас даже трудно представить, до какого абсурда доходили авербаховцы. Например, таких писателей, как Леонов или Шагинян, они причисляли всего-навсего к попутчикам литературы.

Еще Фурманов очень энергично протестовал против такого разделения писателей на своих и чужих. Отец продолжил эту борьбу. И началось... То «Бруски» рапповцы превозносили до небес, а теперь роман с таким же рвением уничтожался.

Было трудно.

Отец в трудные минуты писал Сталину. Сохранился набросок письма как раз по этому поводу: «Во время последней беседы в вами, — писал отец, — вы сказали мне: «Пишите. Давайте книги хорошие — это ценнее всяких программ». Я передал ваше указание товарищам, работающим со мной в одной творческой группировке... И мы приступили усиленно к творческой работе, не обращая внимания на тот визг, который поднял около нашей группы тов. Авербах.

Мы ответили на этот гвалт, на требование предоставить программу одним — мы скажем о нашей программе голосом книг».

Так они и сделали — все писатели «Октября» разъехались кто куда, привезли очерки о том, что видели, которые печатались в периодической печати, а затем вышли отдельной книгой «Твердой поступью».

Уехал и отец. Вместе с Ильенковым он поехал в Кузнецк. «Котлован победы» — так назывался один из очерков о Кузнецкстрое.

Отец приехал в Кузнецк в начале июня, а 10 июня в «Правде» уже был напечатан первый очерк о Кузнецкстрое, 20 — второй, а 5 июля — третий. Затем эти очерки выходят в журнале «Октябрь».

То, что отец увидел на Кузнецкстрое, потрясло его. Больше всего, конечно, люди. Разные они были. Как пишет отец в очерке «Бетон», «Одни рушили свое хозяйство и, нагрузив скарбом возы, волокли за собой через глухую тайгу деревню — коров, лошадей, другие оставляли дома «на всякий случай» хозяйства, третьи являлись на площадку налегке: им нечего было оставлять в деревне и тащить за собой — батраки».

Но были и такие, как ленинградец Иванов и инженер Крепс, комсомольцы, которые сделали так, что бетономешалка стала выдавать больше замесов бетона.

«Бетон состоит из одной части цемента и шести частей гравия, — пишет отец. — Бригада Стасюка состоит из одной части пролетарского цемента и шести частей крестьянского гравия. В бригаде эти люди слились в коллектив, сцементированный организованностью и дисциплиной сознательного труда...

— Делать бетон и делать новых строителей социализма.

—Создавать Кузнецкстрой и строить мощные пролетарские ряды.

Это мы прочитали в глазах всегда серьезного Крепса и беспокойного Иванова».

«Новых строителей социализма» — вот что делала стройка с людьми, приехавшими на стройку. Вот что заинтересовало отца, как писателя, и это он использовал в своих «Брусках».

Вот как отец описывает стройку: «Подошва города-завода (города-завода еще нет, он в котлованах, каркасах) освещена разбросанными электрическими фонарями. Фонари покачиваются от дуновения ветра, и издали кажется, Кузнецкстрой — огромная гавань, забитая сотнями кораблей, покачивающихся на якорях».

Таким видел стройку отец. Ежедневно он начинал день и заканчивал его на котловане.

И еще он видел в этой переделке людей — творчество. Он так и писал: «Переделывая, подчиняя коллективу природу, они переделывают себя, свои отношения к людям, к труду, и труд действительно становится «делом чести, делом доблести и геройства».

Класс творит.

Мы живем в эпоху великого творчества».

Так заканчивает отец один из очерков о Кузнецкстрое.

С детских лет отец был для меня образцом человека. Он умел дружить, никогда не делая скидки на мой возраст, умел доверять и верить — а это так нужно в жизни всегда, в любом возрасте.

Даже и сейчас он поддерживает меня в трудную минуту, просто тем, что глядит на меня со стены моей комнаты. Взгляд его требователен, но и добр и всепонимающ, и становится легче на душе.

Если вам приведется быть в Москве на Новодевичьем кладбище, то сразу же от входа, глянув чуть влево, вы увидите моего отца. Сидит он в кресле, держит в руках самое свое любимое — книгу и смотрит на всех с мудрой улыбкой, будто говорит вам те слова, которые он мне писал в письме в день моего четырнадцатилетия: «Впереди, девочка, жизнь, суровая и красочная. Впрочем, красочна и красива она может быть только тогда, когда сам человек умеет брать из нее красочное и красивое».

Отец это умел и учил этому других.

В. ПАНФЕРОВА.